

„Русские ведомости“
1911 г. 10 февраля.

Памяти Комиссаржевской

Сегодня — годъ, какъ гдѣ-то тамъ, у самаго дальняго рубежа Россіи, распалась въ немногіе днѣй благородная, нужная, далеко не изжитая жизнь: послѣ недолгой напрасной борьбы со страшной болѣзью погибла прекрасная царица русскаго театра.

Тревоги, заботы, труды и шумъ пестрыхъ днѣй, — всевластные надъ живущими, — отвели, конечно, мысль отъ ташкентской трагедіи, столько же жестокой, сколько и безсмысленной, и отъ ея жертвы. Какъ-будто Вѣра Федоровна раздѣлила уже долю всѣхъ уходящихъ, стала позабываться... Но вотъ календарная цифра вернула вниманіе и мысль къ этой ранней смерти, и опять обострилась вся боль. И долго еще не заживетъ рана у русскаго сцены, у русскаго искусства, долго не пройдетъ боль, вызванная этой утратой, незамѣненной и незамѣнимой. Для зрителя нашего поколѣнія, для тѣхъ, предъ кѣмъ Комиссаржевская рстчала свой чудный талантъ, свои очаровательныя вдохновенія, образовавшаяся съ ея смертью пустота останется всегда незаполненной, будетъ всегда такъ же зиять, какъ зияла въ этотъ первый годъ.

Той послѣдней трагедіи, которой мѣстомъ послужилъ Ташкентъ и которой скорбная годовщина — сегодня, предшествовала другая трагедія. Глубокая, многозначительная. Въ этой трагедіи истерзалась душа дорогой артистки въ послѣдніе ея земные мѣсяцы. Лишь слабымъ выраженіемъ этой трагедіи было огласившееся рѣшеніе Вѣры Федоровны, — бросить театръ, уйти со сцены. Тогда много и по-разному говорили и писали на эту тему, по поводу этого, будто бы совершенно неожиданнаго, а для нѣкоторыхъ — даже только капризнаго рѣшенія. Не отрясавъ вскорѣ этотъ ташкентскій ужасъ, не настигнувъ ее другая «трагедія», Вѣра Федоровна, конечно, пересмотрѣла бы свое рѣшеніе, нашла бы какой-нибудь иной выходъ. Но и кратковременное, это рѣше-

ніе Комиссаржевской «уйти» представляется многозначительнымъ и знаменательнымъ. Потому что въ немъ отразилось разочарованіе не въ данномъ театрѣ, не въ той обстановкѣ, въ которой протекало въ послѣдніе годы сценическое творчество прекрасной царицы, а въ самомъ искусствѣ сцены, въ самой душѣ театра...

И, конечно, Комиссаржевская только острѣе чувствовала то самое, что мучительно носить въ себѣ многіе и многіе, лучшіе, служители сцены. Подвергнуты безпощадному сомнѣнію въ еще недавно казавшіеся святыми завѣты, «щепкинскіе» и всякіе иные, и нѣтъ впереди яснаго маяка, на который можно бы увѣренно держать путь...

Ни въ комъ эта трагедія современнаго актера не была такъ явственна, такъ остра, мучительна, но и такъ значительна, какъ въ Комиссаржевской. И какое громадное несчастье для всего русскаго сценическаго искусства, что безсмысленная оспа, вдругъ захватившая въ свои когти Комиссаржевскую, не дала ей, переживъ эту трагедію до конца, вновь узнать чистую радость сценическаго творчества. Комиссаржевская была не изъ тѣхъ, которые мирятся на отрицательномъ выводѣ, которые могутъ успокоиться на томъ, чтобы махнуть на себя рукой и замереть въ отрицаніи. Она непремѣнно, всѣмъ переболѣвъ, можетъ быть, открывъ свою душу для еще болѣе страшныхъ трагическихъ столкновѣній, кончила бы тѣмъ, что нашла бы вѣрный выходъ, примирила бы противорѣчія, открыла ясный смыслъ и твердый путь. И то, что Комиссаржевская сдѣлала бы для себя, въ своемъ художественномъ самосохраненіи, — это послужило бы на пользу всѣмъ мятущимся, не знающимъ, сомнѣвающимся, терзающимся.

Но случилось иначе. Комиссаржевская не дошла до радостнаго разрѣшенія этой своей трагедіи. И мы, кому была она и осталась такъ дорога, которые такъ нѣжно любили ея талантъ и такъ